

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
E-mail : l.s.soboleva@mail.ru

АВТОРСКИЙ КОД РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «СТАТИР» (ОРЕЛ-ГОРОДОК, 1683–1684 ГОДЫ)*

На основе анализа выявленного авторского кода в рукописном сборнике «Статир» прослежено своеобразие проповеднической интонации, соединение биографического и этикетно-жанрового компонента в Предисловии и завершающих виршах книги.

Ключевые слова: «Статир», проповедь, Орел-городок, строгановский культурный регион, авторский рукописный сборник, русская литература XVII в.

Сборник как тип книги в XVII в. обретает новые характеристики, соотносимые с основными тенденциями изменения литературы в парадигме автор – книга – читатель. На протяжении этого периода возрастало значение авторского начала, книга становилась не только воплощением божественной истины, но и авторской позиции, авторского индивидуального миропонимания.

Ярчайшим проявлением авторского начала был рукописный сборник церковных поучений, созданный в 1683–1684 гг. неизвестным проповедником в центре Строгановских владений второй половины XVII в. – Орле-городке¹. В 1564 г. на правой стороне Камы на Орловском мысу Г. А. Строгановым был возведен Кергедан, получивший позднее название Орел-городок. На столетие он становится центром уральских строгановских владений, имея статус военного укрепления и ремесленного центра. В 1582 г. городок был местом сбора дружины Ермака, именно здесь Максим Строганов экипировал его войско, в кото-

ром могли быть орловские жители. В Орле-городке была сооружена обширная церковь Похвалы Богородицы, где в конце XVII в. служил автор «Статира», приглашенный Г. Д. Строгановым (1656–1715). По мере продвижения границ русского государства на восток в конце XVII в. Орел-городок теряет значение защитного укрепления и промышленного центра, но его роль «культурного гнезда» для окружающих территорий сохранялась на более длительное время.

Основательность и устойчивость воспроизведения традиций словесной культуры в строгановской вотчине базировались на книжном собрании, начало которому было положено еще в XVI в. Богатство строгановского книжного собрания тщательно поддерживалось в разных ветвях рода на протяжении многих поколений. Это было тем более важно, что русская культура в регионе находилась в прямом контакте с культурой коренных народов – языческой и мусульманской. Единые православные нравственно-этические религиозные идеалы

* Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011)», проект № 2.1.3/12135: «Древнерусский четий сборник как литературный факт (канон и творческие модификации)».

¹ ОР РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир». 1683–1684 гг. 4° (300×250), 815 л. п/у одного почерка. Фолиация: сохранилась авторская нумерация листов: 1–17 (I сч.), 1–517 (II сч.), 1–279 (III сч.). Современная нумерация отсутствует. Пропущены при нумерации: л. 474 (II сч.), 187 (III сч.); пронумерованы дважды: л. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.); утрачены: л. 250, 251 (III сч.).

в условиях новообретаемых земель должны были способствовать укреплению законности и порядка, а задача обращения в православию местных народов стимулировала проповедническую деятельность священнослужителей.

О времени написания книги говорит в рукописи приписка киноварью, сделанная автором в конце предисловия к сборнику: «Начася лета 7191 году, м(еся)ца априлля в 8 день, написася же 192 году, августа въ 20 день при державе б(о)гоизбранных ц(а)рей и правоверных г(осу)д(а)рей двою братьов Иоанне А[ле]ксиевиче и Петре А[ле]ксиевиче. В вотчине имянитаго ч(е)л(о)в(е)ка Григория Димитриевича Строганова на Орле-городке на устье Яйвы реки»². Авторское самосознание воплощается в различных компонентах организации «Статира»: в заголовке, в предисловиях и послесловиях, где автор позиционирует свой подход к сочинению (каузальность биографического, общественно-политического, культурно-эстетического характера), обрисовывает жанр, источники текста, определяет цель и адресаты произведения³. Авторская позиция имплицитно присутствует на всех глубоких уровнях текста: в композиции и стиле памятника, в выборе актуальных тем, в пафосе и т. п. Дальнейшая характеристика авторского начала возможна только при полном и подробном исследовании сборника. На данном этапе основное внимание обращено на авторский комплекс, наличие которого особо выделяет сборник и свидетельствует о творческом характере литературного процесса в Строгановском культурном регионе конца XVII в.

Рукопись была открыта в первой половине XIX в. А. Х. Востоковым, обратившем особое внимание на ценный памятник, в котором содержались оригинальные поучительные слова на церковные праздники [1842]. В описании им были опубликованы отрывки из Предисловия, которые явственно свидетельствовали о риторическом таланте автора, информировали о месте и времени создания рукописи. Во второй по-

ловине XIX в. упоминание о сборнике находит место в учебниках по церковному красноречию, что говорит о безусловном признании художественных достоинств текста (см.: [Знаменский, 1896. С. 304–305; Поторжинский, 1879. С. 289–303]).

Вновь к подробному описанию рукописи обратится в 60-х гг. XX в. богослов П. Т. Алексеев [1965], тщательно датировавший памятник по филиграммам и рассмотревший его структуру, выявивший некоторые особенности в содержании, говорящие об исторических, астрономических, географических познаниях автора. Неоднократное упоминание сборника в исследовательских штудиях на сегодняшний день сочетается с немногочисленными работами, касающимися развития риторического искусства (А. С. Елеонская, В. М. Живов, А. Н. Робинсон), определением возможного автора сборника (П. Т. Алексеев, А. А. Введенский, Н. А. Мудрова, Д. М. Буланин), историей развития церковного образования (А. В. Карташев), характеристикой культуры Строгановской вотчины на Урале (Л. С. Соболева)⁴.

Заранее оговоримся, что в данной работе не затрагивается вопрос об определении имени конкретного автора сборника. На эту тему написано немало, но главный вывод, сформулированный Д. М. Буланиным [1980], что знание источников не позволяет на сегодняшний день назвать имя с научной достоверностью, остается правомерным. «Романтическая биография» автора (определение Т. В. Буланиной), созданная в работе А. А. Введенского [1962. С. 240–241] на основании сведений, устно сообщенных историку П. Т. Алексеевым (много сил отдавшим переводу памятника на современный язык), стала основой вымышленной биографии в повести В. Шенталинского «Статир» [2007. С. 71–103]. Используя сведения из описания А. Х. Востокова, из статьи П. Т. Алексеева и гипотезу А. А. Введенского (преимущественно без ссылок на авторов), журналист создает образ мятежного, затем репрессированного писателя духовного звания Потапа Прокопиева (Прокофье-

² ОР РГБ. Собр. Румянцева № 411. Л. 9 об., 1 сч. Далее при цитировании листы Предисловия указываются в тексте статьи.

³ См. теоретические проблемы авторского комплекса в работе [Конявская, 2000. С. 12–25]. Здесь же приведена основная литература вопроса.

⁴ Перечисление изданных отрывков из «Статира» и библиографию см.: [Буланина, 1998]. Не вошедшие в указатель и более поздние работы см.: [Карташев, 1997. С. 246; Мудрова, 2004; Соболева, 1998; 2005; 2006; Сгибнева, 2009].

ва)⁵, участника Разинского восстания (!). Выражение им протестных настроений в церковных поучительных словах «Статира» в дальнейшем якобы послужило причиной не только его преследования, но и изъятия рукописи из читательского процесса. Панегирический пафос сопровождается в повести многочисленными анахронизмами и историческими неточностями в характеристике идей времени, некорректной трактовкой христианских установок этического и онтологического характера. (Их перечисление и критика не входят в задачу данной статьи.) Частично оправданием могут служить те обстоятельства, что, во-первых, подобного рода неточности проистекают из предыдущих работ⁶, а во-вторых, журналистом владела благородная цель – пробудить внимание к памятнику в широких читательских кругах, педалируя естественный интерес и сочувствие публики к «узникам совести», с которыми В. Шенталинский сопоставляет автора «Статира».

Памятник, разделенный автором на две части, содержит 156 поучительных слов на

⁵ Имя Потапа Прокопьева впервые называется в статье П. Т. Алексеева, причем достаточно случайно. На протяжении всей работы автор, видимо, по настоянию редакции Археографического ежегодника именуется писателя «неизвестный автор» или просто «автор» и только в одном отрывке указывает, что материал из книги Кирилла Транквилиона «используется Потапом Прокопьевым» (см.: [Алексеев, 1965. С. 97]). Вслед за ним это имя со ссылкой на неопубликованную статью П. Т. Алексеева проникает в монографию А. А. Введенского. Позднее Н. А. Мудрова обнаружила упоминание имени Потапа Прокопьева в писцовой книге Ф. Бельского (1678 г.) [Мудрова, 1986. С. 36, примеч. 51]. Обращение к писцовым книгам М. Ф. Кайсарова (1623/24 гг.) и А. К. Елизарова (1647 г.) позволили установить родовую фамилию – Игольнишников (см.: [Мудрова, 1990. С. 17–18]). Эта гипотеза оказалась популярной настолько, что в издании СККДР информация о «Статире» приводится в статье о Потапе Прокопьеве Игольнишникове (см.: [Буланова, 1998]). К чести автора статьи, в работе приводятся аргументы pro et contra указанного имени.

⁶ Впервые гипотеза об авторе «Статира» как участнике Разинского восстания приведена в работе А. А. Введенского, но без каких-либо ссылок на документальные источники (см.: [Введенский, 1962. С. 240–241]). К указанным неточностям, перечисленным в кн. [Соболева, 2005], необходимо добавить полное отсутствие каких-либо сближений в стиле и тематике проповедей с посланиями разинского атамана, на которых настаивают А. А. Введенский, а вслед за ним В. Шенталинский, правда, без сопоставления текстов рукописных проповедей и сохранившихся писем атамана, опубликованных в материалах о восстании С. Разина.

различные праздники. Части неравнозначны: первый раздел включает в себя 111 поучений, начиная с Пасхи, до страстной субботы (л. 1–517, II сч.). На некоторые недели положено два поучения, некоторые недели пропущены по авторской воле, так как нумерация листов, принадлежащая писцу, идет подряд. Вторая часть содержит 45 слов (л. 1–279, III сч.), из которых последнее («На ленивые в церковь приходит») приписано после молитвы «по совершении книги сея» и силлабических вирш «в них Богу благодарение и на завистников дерзавение» (л. 272 об., III сч.).

Главным компонентом, раскрывающим авторскую волю, следует признать обширное Предисловие, состоящее из двух частей (л. 1–17, I сч.). Эта часть сочинялась после составления сборника, о чем пишет сам автор, ее присутствие в памятнике придает сборнику целостность, раскрывая внутренние переживания автора, настраивает читателя на единую с писателем эмоциональную волну. Из авторских компонентов композиции сборника надо выделить наличие в каждой части оглавления, молитв об окончании работы и заключительных вирш.

Наше обращение к Предисловию обусловлено желанием понять художественный замысел проповедника, обрисовать его представления о назначении своего труда, конкретизировать историческую психологию автора памятника и его читателей / слушателей. Не менее актуальна эта тема для характеристики тех инноваций, которые происходят в сборниках духовного плана накануне Нового времени.

Весь период, а в особенности вторая половина XVII в., испытывает доминантное влияние украинской словесной культуры в жанрах красноречия. Эта тема основательно изучена в современной гуманитаристике, включая многообразные труды по истории риторики. Имена исследователей отвечают важности данной тематики для раскрытия особенностей словесной культуры указанного периода. Это классики национального литературоведения: Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, Л. А. Софронова, А. С. Елеонская, Л. И. Сазонова, А. М. Панченко, Е. К. Ромодановская и др. Переключившись с украинскими авторами была не только в обращении к цветистому и многословному стилю, сформировавшемуся в своеобразное московское барокко, но и в повторении структуры кни-

ги, включении в текст указаний на цитированные источники, с обязательными предисловиями и послесловиями, в которых прописывались авторские целеустановки и регламентировались читательские ожидания. Предисловиями и послесловиями снабжаются как новосозданные книги, так и традиционные богослужебные издания (см.: [Лабынцев, 1981. С. 276–290]). Тематика и стилистика предисловий и послесловий из старопечатной литературы XVI–XVII вв. были основательно проанализированы в специальном издании прошлого века [Русская старопечатная литература..., 1981]. Авторитетный коллектив обратился к исследованию разнообразных функций, генезису, различным тематическим граням предисловий и послесловий, по сути, обосновав появление оригинальных жанров, связанных с писательской рефлексией.

Значение Предисловия к «Статиру» было высоко оценено А. Х. Востоковым, опубликовавшим в 1842 г. из него несколько отрывков при описании сборника [1842. С. 629–632]. Более полная публикация Предисловия, откорректированная по нормам языка XIX в., была предпринята И. Яхонтовым [1883] при издании некоторых поучительных слов из сборника, здесь же приведены завершающие первую часть сборника молитва и силлабические вирши⁷. Обращение к Предисловию преимущественно как к источнику биографических сведений об авторе сборника, кроме вышеприведенного труда И. Яхонтова, было характерно для И. Малышевского [1861], С. Богословского [1916], А. А. Введенского [1962].

Семантику предисловия к «Статиру» в историко-литературном контексте отметил А. Н. Робинсон, указывая на оценку автором книг Симеона Полоцкого, Иоанна Златоуста [Робинсон, 1971. С. 66–67; 1974. С. 346]. Более подробно Предисловие изучал

⁷ См.: [Яхонтов, 1883]. Кроме этих материалов И. Яхонтов опубликовал 20 избранных поучений. Большой труд, предпринятый ученым-богословом, имеет тот недостаток, что в нем, кроме правки текста по современным ему правилам, из проповедей исключаются, например, цитаты из книги Кирилла Транквилиона «Учительное евангелие» (Рахманов, 1619), что было объяснено издателем желанием подчеркнуть авторское своеобразие, отстранив «вторичный материал» (см.: [Яхонтов 1883. С. 9 (примеч.)]). Также И. Яхонтов правит при публикации силлабические вирши (см.: [Там же. С. 21–25]). Ср. в рукописи: л. 271 – 272 об., III сч.

А. С. Демин, по мнению которого памятник может раскрыть настроения «местной группировки читателей и слушателей» [1981. С. 225]. Исследователь извлекает из Предисловия к «Статиру» доказательство массового состояния «отчужденности», отстранения от литературы населения региона [Там же. С. 241]. С ораторской прозой демократических кругов связывает «Статир» А. С. Елеонская. Ее тонкие и глубокие наблюдения над текстом, чрезвычайно существенные для понимания памятника, вступают в определенный контраст с главным выводом об ученичестве автора, свойственном ему «неумеренном заимствовании», эклектизме и «половинчатости». Сопоставляя проповеди «Статира» со старообрядческими сочинениями, исследователь заключает, что автор «не смог подняться до сокрушительной критики существующего строя» [1990. С. 191]. К чести автора, надо отметить, что это не входило в его задачу. В «Статире» автор стремился найти единство в развитии светского и клерикального начал жизни общества, обозначить конструктивные модели поведения в различных сферах жизнедеятельности и христианско-этический образ мыслей для спасительного вектора человеческой судьбы.

Предисловие состоит из двух частей: «Предсказание о именовании книги сея» и «Предисловие к читателю». В Предсказании обыгрывается слово «статир» («Статир ю именую и вину названия сице изъявлю», л. 1), – с семантикой которого соотносятся как авторская богословско-просветительская задача, так и структура книги. Автор перелагает притчу о золотой монете – статире, извлеченной «теплейшим» учеником Сына божьего Петром, из выловленной рыбы, чтобы, по указанию Христа, заплатить сборщику налогов «за Мя и за ся». Талант автора в полной мере проявился в выборе названия сборника и его умелой, многослойной интерпретации. Писатель в тексте памятника дает богословское толкование образа монеты: «Статир же есть камень честен, иже в Сирии родится, или четвертая часть златицы, д(у)х(о)вне же разумеется Статир – исповедание слова Б(о)жия» (л. 8). Монета, которая имеет две стороны, творческим воображением превращена в символ соединения двух пространств: небесного и земного. Два мира – один сакральный мир христианского мифа, второй земной, полу-

чающий высший смысл через призму притчи, – выстраиваются в Предсказании. Как Христос велел Петру взять удочку и поймать рыбу, так и «благий глас» велел автору: «Не унывай, человече!.. Верзи, яко удицу ума твоего, внутрь многомятежнаго смысла своего, – и обрящещи Статир, даждь его во сл(а)ву имени Моего и в свое искупление» (л. 2). «Статир» становится символом золотого слова проповеди, которым прославляется Господь и спасается человек. В данном приеме узнается характерное для искусства барокко соединение образа и интерпретации, представленное в творчестве Симеона Полоцкого, хорошо известного автору «Статира» [Еремин, 1948]. Прием дихотомии пронизано все Предсказание. Через евангельский образ, со ссылкой на «блаженного Феофилакта» (Феофилакт Болгарский, автор «Учительного евангелия»), в сборнике подчеркивается целостность авторского выбора тем для поучений, формулируется высший смысл авторской задачи – спасение душ прихожан в пространстве бурного жизненного моря.

Притча дает ключ к изъяснению двучастной структуры книги: в первой части находятся Слова, посвященные праздникам пасхального и послепасхального цикла («в славу Б(о)жию»), вторая часть («во спасение людское») содержит поучения на годовые праздники и наиболее важные события человеческой жизни («На воссоздание храма», «К новобрачным», «На погребении мертвых телес»). И хотя подобная структура не является изобретением автора «Статира»⁸, она получает в памятнике символическое обособление.

В центре Предсказания и Предисловия оказывается образ автора, многоаспектность и сложность образа существенно отличает этот памятник от ему подобных. Помимо первой части, авторская интонация пронизывает все учительные слова: эмоционально оценивается описываемая ситуация, происходит прямое обращение к читателю / слушателю, приводятся горестные сетования на происходящее. В Предсказании образ автора создается на пересечении его драматических переживаний. Описание внутренних волне-

ний сочетается с приемом самоуничужения. Автор именуется себя «убогий и грешный», «невежа», «скотоподобна суца», обвиняет себя в том, что его усилий недостаточно для обращения прихожан к праведной жизни: «Ох, горе себе помышляя, зрю стадо Хр(ис)т(о)во не на пажити д(у)х(о)вной мною пасомо, но по стремнинам всякаго беззакония волком д(у)шегубителем расхищаемо» (л. 1 об.). Это глубоко волнует проповедника, что передается через восклицания, риторические вопросы, систему сравнений: «...смутися моя бедная д(у)ша и вострепета моя внутренняя, обступиша мя часто обстоятелнии помыслы и колебаху ума моего, яко данницы истязующе и яко червие древо с(е)рдце мое снедающе, о своем ми недостойнстве зазирающе и о погублении овец устрашающе» (л. 1 об.). Прием амплификации успешно используется в тексте, причем без излишнего нанизывания синтаксических конструкций. Написание «Статира» становится самооправданием писателя, автор характеризуется как обладающий «многомятежнаго смысла» в контексте «непостояннаго века». Изменчивость времен и непостоянство человека определяют поступки и переживания автора. В канон самоуничужения вторгаются личные мотивы: автор пересказывает биографию последних насыщенных событиями и переживаниями десяти лет. Перед нами своеобразные этапы жизни, приведшие его к написанию «Статира». Сведения о низком «неосв(я)щеннаго корене, ни от славна рода» происхождении писателя необходимо воспринимать в контексте идеи изменчивости судьбы, ее взлетов и падений, препятствий и успешного их преодоления в достижении цели. Объявляя прадеда скотопасом, деда «портнягой», а отца кожевником «усмарем», автор тактично добавляет: «Не их, родившая, поношаю, но свою худость изъявляю» (л. 3), что согласуется этикетным смирением автора в древнерусской традиции⁹. Повествуя о себе, писатель создает достаточно развернутый образ не только авторских действий, но и авторского противоречивого

⁸ Симеон Полоцкий поучительные слова календарного цикла вносит в сборник «Обед душевный» (опубл. в 1681 г.), а из проповедей на «господские», «богородичные», «нарочитые» праздники составляет «Вечерю душевную» (опубл. в 1683 г.).

⁹ Буквальное понимание данного топоса, так же как и последующих признаний автора в собственном несовершенстве и совершенных им ошибках, более говорит о наивном исследовательском толковании авторских высказываний, чем о реальных переживаниях автором по поводу своего «низкого» происхождения.

душевного состояния. Первая ступень – пять лет, проведенных в обители Пысковского монастыря, где он имел возможность познакомиться с изданиями украинских проповедников и книгой проповедей Кирилла Транквиллиона «Евангелие учительное» (Рохманово, 1619).

Уход из монастыря сопровождается душевным смущением и «колебанием», трактуется как ошибка, вместе с тем вполне вписывается в понимание судьбы как чередования разнонаправленных интенций («не бых доволен злый мой и многовожденный нрав саном дьяконства»). После Пысгора, второй ступенью образования писателя было его служение в течение двух лет «у Соли Камской» в церкви Рождества Христова, где его «объяли беды». На третьем этапе автор сам обращается к творчеству, сочиняя и записывая проповеди для прихода.

Свою судьбу автор соединяет с деятельностью Г. Д. Строганова «зелному бл(а)гочестия рачителю и вселюбезнейшему ц(е)рк(о)внокрасителю и бл(а)гохотному строителю» (л. 4), указывая на то, что этот «велико-именитый» господин призвал его к себе в Орел-городок для служения в церкви во имя Похвалы Богородицы. В памятнике создан настоящий панегирик Строганову, замеченный уже первооткрывателем рукописи. Похвала 27-летнему землевладельцу написана в тех же параметрах и традициях, что и похвалы российской правящей элите в печатных книгах. Главная добродетель Г. Д. Строганова – любовь к священнослужителям, создание церкви, ее украшение книгами, ризами и колоколами. Упоминание в Предисловии о благословении архиепископа Вятского и Великопермского Ионы позволяет подтвердить дату создания рукописи, так как архиепископом Иона был именован в 1682 г. (см.: [Жоган, 1993. С. 86]). Иона отличался требовательностью к строгости нравов, большими строительными проектами и вниманием к словесности¹⁰. В своем ярко выраженном стремлении к развитию культуры на месте, связях с московскими кругами он явно перекликался

¹⁰ В годы его правления появились важные для истории Вятской земли «Летописец старых лет», «Вятский временник», «Повесть о явлении Великорецкой иконы». Их автор – дьячок Богоявленского собора С. Ф. Попов, создатель «Повести о стране Вятской». О продуктивной рукописной работе вятских книжников во времена Ионы см.: [Уо, 2003].

с интенциями в деятельности Г. Д. Строганова. Близок Иона был Строганову в приверженности к личности Петра Великого (впоследствии этому государю он препоручает в духовной грамоте храмы и клир своей епархии). Поиск кандидата в церковь Похвалы Богородицы в Орле-городке увенчался успехом: автор «Статира» обладал не только знанием законов составления проповеди в традициях украинско-московской школы, но и явным чувством языка, умением увидеть острые проблемы времени, воплотить идеи в талантливом образном изложении.

Строганов сравнивается автором со «страннолюбивым» Авраамом и новым Иовом, что должно было подчеркнуть масштаб личности Георгия Дмитриевича и его боголюбивость. Писатель детерминирует авторскую судьбу милосердием благодетеля, замечая, «зело мя любезно с честью приять аки сущаго о(т)ца и велие ми покорение показа и во всемя мя по воли Б(о)жии / радостно послуша и всемя домочадцем своим зелне заповеда, еже въ велицей мя чести грешнаго имети» (л. 4 об.). «Мене же, грешнаго, паче всехъ любя и упокоеваше...», – сообщает далее автор читателю. Следует сказать, что здесь уже нет элементов самоуничижения. Напротив, автор с понятной гордостью замечает, что ему была дана полная власть «церковного правления», что даже более опытные и старейшие священники не обладали такой властью.

Этикетные характеристики Строганова как самого внимательного слушателя Святого писания соединяются с исторически достоверными сведениями о его любви к искусству пения: «О красоте же пения велми рачителствуя и домочадцев тшательно учаще... имяше же и мудрыя учителя пению въ дому своем» (Там же). Как известно, в конце XVII в. церковный хор в Орле-городке под руководством Н. Дилецкого овладевает новым типом партесного пения, а известный музыкант пишет в эти годы теоретический труд по музыке¹¹. Образ Г. Д. Строганова, который создается во Вступлении, отвечает новым представлениям о современной активной личности «остроестественной при-

¹¹ Подробные исследования певческо-музыкальной культуры в Строгановской вотчине см. в многочисленных трудах челябинских исследователей Н. П. Парфентьева и Н. В. Парфентьевой.

роды», который с юных лет «многоденная седины превзыде разумом смысла своего» (Там же). Вместе с тем автор настаивает на послушании Строганова церковным поучениям, его забота о служителях церкви вырисовывается как важная жизненная задача.

Тема взаимоотношений государственной и церковной власти, так явственно высветившаяся на соборах 1682–1683 гг., у автора «Статира» получила вариант в системе отношений «начальствующих» (чиновников), Строганова и служителей патронируемой церкви¹². Многие «начальствующие», по мнению автора, желают, чтобы священник «слуга Б(о)га Вышняго, был бы пред ними, якоже последний раб» (л. 7 об.), отличается отношение Строганова – «истиннаго наследника места сего Григория Димитриевича, он бо б(о)гоподобне, любя и почитая ос(вя)щенный чин» (Там же).

Важной частью Предисловия становится описание процесса создания книги. Автор воспроизводит обстоятельства, способствующие появлению сочинений. Это и традиционное для жанра высшее призвание, идущее от Бога («На сие бо и родихся и позванъ бысть»), желание благодетеля (Г. Д. Строганова) создать соответствующий современным представлениям сборник проповедей. Важнейшим из современных требований автору представляется внимание к устному слову, произносимому в храме. Описывая ситуацию, сложившуюся в стране, он отмечает: «Слышах же, яко в России во многихъ градах премудрии с(вя)щенницы от усть поучения читают, а не с книг, и людие зело любезно послушаютъ со многим удивлением». Далее со ссылкой на Кирилла Транквиллиона (он называет его Кириллом Ставроменийским) автор объясняет преимущество устной проповеди, а традицию чтения книжных проповедей объясняет «яко оскудеша от ц(е)ркви мудрии учителя». Желая привлечь слушателя, «поревновах», автор «начах многотрудием» составлять не-

дельные беседы с нравоучением: «Ово в мысли сограждах, ово же писах на малыя тетратки и на свитки». Писатель перечисляет тех авторов и книги, которые послужили ему главными ориентирами творчества: «...велми же приседехъ книзе Кирилла Транквиллиона, многая же слова от поучений его устно навыхохъ и зело любезно читахъ». В то же время он объясняет, почему для местных жителей, которые всегда стремятся услышать что-то новое, недостаточно было использовать произведения украинского проповедника: «Нецыи же жители в дому ея имеша читающе, пришедши же в ц(е)рк(о)вь, слышать мя таяждо чтуща и сихъ ради моему чтению не внимаху, понеже ч(е)л(о)в(е)цы обычай имуть всегда новая слышати» (л. 6).

Другими, но не менее существенными причинами, автор объясняет, почему он не смог использовать сборники проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» и «Вечерю душевную». Слог «люботруднаго» Симеона «простейшим людем за высоту словес тяжка бысть слышати и грубым разумом невнимателна» (Там же)¹³. Возможно, неосознанно писатель обвиняет в непрофессиональности не только слушателей, но и «чтущих», т. е. священников, с трудом произносящих поучения из известных книг, для которых даже учительные слова из самой известной книги бесед Иоанна Златоуста или главы из Деяний Апостолов «зело неразумително». Иронизируя, автор приводит высказывания местных священников, что Златоуст написан на иностранном языке: «Не точию от мирянь, но и от с(вя)щенникъ иностраннымъ языкомъ тая Златаустаго писания нарицаху» (Там же)¹⁴. Вот для таких «препростых страны сея жителей... Азь, грубой, начахъ простейшия беседы издавати, ово устно, овоже написаниемъ», – пишет писатель, оформляя это как вынужденное признание автора (Там же).

¹² Тема преклонения Строгановых перед церковным авторитетом представлена в первой редакции Жития Трифона Вятского, составленного анонимным автором в 60-х гг. XVII в. Современный исследователь культуры преподобного Трифона уточняет датировку между 1662 и 1664 гг. (см.: [Чурина, 2009. С. 87]). Мы видим в этом проявление роли предпринимательства в освоении края, понимание значения православия в этом процессе, свойственные Строгановскому региону. См.: Соболева Л. С. Урало-сибирский топос русской агиографической традиции (в печати).

¹³ В данном заявлении, передающем отношение к проповедям Полоцкого, нам видится не столько критика формы слов проповедника, как полагает Е. В. Градобойникова [2007. С. 278], сколько негативная оценка малообразованности «простейших людей».

¹⁴ Представляется большой натяжкой использование этих слов писателя для характеристики отношения демократической среды к языку московско-славянской книжности без учета богослужбной принадлежности текстов, с которой вступает в противоречие использование для высокого слога просторечного языка.

Главными своими учителями, которые его «яко свешникъ освещаше», писатель признает книги Кирилла Транквиллиона («яко редкое слово без его речей минуло»), Златоуста, Феофилакта Болгарского. Но данный традиционный прием заимствования в контексте новой литературной установки на авторское слово требует от писателя объяснений. Орловский проповедник предупреждает читателя, чтобы тот не приписывал ему тщеславные помыслы использовать чужой труд («...ни же хочу въ чужемъ разуме себе разумна явити»), его привлекает красота слога и соответствие цитаты авторскому замыслу («яко зело ми приличествоваху къ моему сложению»). Объясняет писатель и своеобразие ссылок на чужие сочинения: имена цитируемых авторов он упоминает в тексте проповеди, но затем вплетает в свою речь высказывания святых отцов, поэтому конец цитаты не указывается: «А еже въ начале речи именовахъ: «Тако Златоустый или Феофилактъ гл(аголе)тъ, или иной кий с(вя)тый о(те)ць, окончанием¹⁵ же не делихъ, еже доиде его беседа. То бо за боязнь, понеже бо не с ряду с(вя)тыхъ речи писахъ, но от нихъ заимствовахъ и между теми своя прилагахъ и вписуя» (л. 9 об.). Необходимость в цитировании Златоуста, когда «речь под речь подчиняхъ о единой вещи беседовши», автор декларирует своей «простотой смысла» и «немощью слушателей».

Отдельным пассажем автор поясняет свою творческую позицию: «окроме буквы, Часослова и Псалтыри ничто же учихъ, и то несовершен[н]о. Грамматики иже ниже слышахъ, како ея навикають, а зря ея, яко иноязычными зрится, риторики же нимало покусихся, а философию ниже очима видах, мудрых же мужей ни же где на пути в лице усретох, но токмо от Писания с(вя)т(а)го...» (л. 6 об.). Принципиальная позиция ряда русских книжников, отвергающих изучение грамматики и риторики как способа познания слова вне божественной мудрости, как явствует из работ Б. А. Успенского, базируется не на безграмотности, а на утверждении содержательной доминанты, противостоящей формальному знанию правил сочинительства. В национальной традиции, причем далеко не только старообрядческой,

обращение к грамматике, риторике, «еллинским» мудрецам в XVI и XVII вв. могло свидетельствовать о приверженности к католичество или даже к язычеству (см.: [Успенский, 1988]). Писатель из Строгановской вотчины, с одной стороны, явный приверженец украинской образованности, претендующий на высоту знаний и умение сопрягать в проповедях книжность и современные проблемы, но, с другой стороны, пройдя школу Пыскорского монастыря и будучи близок установке архиепископа Ионы на утверждение православных ценностей, связан с ортодоксальным православием.

Незаурядный талант автора обнаруживается в уникальном описании своего творческого состояния в процессе сочинения проповедей: «Многажды, егда пишушу ми и слагаюшу и тогда, аки въ бури шумней и во мраце ми бывшу, и уму моему безмолствовати во мнозей пустыни и ничто же чювствующу и смыслу моему, аки уснувшу или яко исступлену сущу от мене, и всей моей разумней силе оскудевшей» (л. 9 об.).

Писатель, создавая предисловия, дифференцирует слушателей / читателей, к которым обращены проповеди. Проповедник обращается к читателю следующим образом: «Превозлюбленный читателю, б(о)ж(е)ственныхъ словесъ рачителю, глубины словес премудрый пыталелю...», затем уничижительно называет себя грубым невежею, чтобы подчеркнуть высокую оценку способностей адресата. Как синоним появляется ниже обращение: «О, бл(а)горазумный читателю...». И только такой читатель имеет право вносить исправления в его сочинения: «...на просодию расположи неправая склонения и неудобныя падежи, и несвойственная звания – вся сия премени» (л. 8). Именно для этого читателя, «скораго ради взыскания хотящим читати ю», предназначаются составленные автором оглавления, которые он помещает в начале сборника (относящиеся к первой части, л. 10, I сч.) и в конце книги (относящиеся ко второй части, л. 268, III сч.), подчеркивая тем самым проявление авторской воли в соединении поучительных слов в сборник.

Второй тип читателей – хулители, противники – «невегласи», не принимающие его поучения и всеми способами вредящие автору. Этим читателям автор запрещает прикасаться к тексту, «ибо неразумным не дерзати о своем смысле, аще и смутится ис-

¹⁵ Испр., в ркп.: окончанием.

правляти», «аще не навичен еси граматическаго учения и не начитался о(те)ческихъ писаний», «не держай искоренити или исправити, молю тя и завещаю и пред Б(о)гом засвидетелствую» (л. 5 об.).

Автор обращается к своим противникам, не боясь высказывать прямую угрозу, призывая через духовный труд достичь премудрости: «Остави, неразумная, тебе премудрейшим судити или у ведущих С(вя)тое Писание вопросы, не держай собою на мою же грубость, не уборзися, но собою потрудися и прем(у)др явися» (л. 9). Авторское смирение и готовность терпеть («...хотяй мя порицает, хотяй мя укаряет, хотяй да смеется, но вся терплю, поминая Г(оспо)да моего смирение и терпение») сопрягаются с высокой оценкой своего труда («На сие бо и родихся и позван бысть»), сравнимого с деяниями апостолов («мене со второнадесятым делателем причастия сподобит») и серьезной угрозой страшного суда хулителям – «...аз з губителем труда моего буду судитися въ д(е)нь страшнаго испытания пред нелицемерным Судиею, у Него же несть обинования» (л. 9 об.).

Нелицеприятной оценке подвергаются «жители страны сея», которые укоряли, смеялись и порицали автора «зело бо невежества исполнении» (л. 7), автор же «въсем бых в претыкание». Если же жители и выражали почитание проповеднику, то ему кажется, «яко неистинне, но притворне: ово за страх г(оспо)д(и)на Григория Димитриевича» (л. 7 об.). Проповедник обвиняет жителей не только в лицемерии, но и в нежелании слушать церковные поучения. Преступая закон о почитании священства, они «друг друга развращающе, яко не слушати учения моего». Автор воспроизводит слова непросвещенной паствы, в которых проповедник противопоставляется прежним священникам. При этом рассуждения людей, изложенные профанным языком, противостоят языку проповеди по новым правилам риторики: «Прежде сего zde были с(вя)щенницы добрыя и честныя, и тако не творили, жили же попросту, и мы были во изобилстве, а сей откуду неудобная въводит». В памятнике рисуется развитие острого внутреннего противоречия между священником и его паствой. Даже те из них, которые были им облагодетельствованы, выступают против, оскорбляя и порицая проповедника: «...яко люте мя оскорбляше

врагъ чрез досады ч(е)л(о)в(е)ческия, их же, аз прежде любих д(у)ш(е)вне, и оныя мене и множицею от мене по моей силе обл(а)г(о)д(е)телствовани быша, и тии на мя ратоваху завистию и порицанием, и всякимъ хухнанием» (л. 6 об. – 7). В памятнике выстраивается своего рода интрига автора – новопоставленного священника орловской церкви Похвалы Пресвятой Богородицы – и паствы в союзе с прежними священниками. Эти довольно напряженные отношения вызваны требованием автора подлинного благочестия от жителей: «...зело бо невежества исполнени жители страны сея, яже пред рекох, велми бо мя укоряху и порицаху» (л. 7).

Автор воспроизводит конфликтную ситуацию в Орле-городке, где изменился в это время тип церковного пения, по новым законам изобразительного искусства московскими художниками была расписана церковь¹⁶, обновлялось содержание церковных проповедей, откликающихся на актуальные проблемы времени и показывающих конкретные неурядицы и неприглядные образы местной жизни: «зело на злобу испотворничествованы людие сего места, не точию нас хощуть покорных себе быти, но и ц(е)рк(о)вь с(вя)тую хощуть и вся уставы ц(е)рк(о)вныя утренняя и вечерняя пения по ихъ грубому обычаю, дабы последовали, не точию от менших, но и от началствуемых и содержащих место сие» (л. 7 – 7 об.). Всем им писатель противопоставляет Г. Д. Строганова, намекая на некие силы, по указу которых в подобного рода интригах принимают участие священники «прежде мене бывъшии, и при мне сущии» (Там же). И только то, что они действуют «по коему изволению», позволяет автору простить их. Неприятие местными жителями сформированного новоявленным священником направления в церковной проповеди приводит к ситуации, когда прихожане отказываются посещать церковь и видеть ее красоты: «Мнози и ц(е)ркви тоя, у нея же азъ служихъ, мене ради лишишася, ибо на мя, грешнаго, ненавиствоваху и бл(а)голепотствующия ц(е)рк(о)вныя красоты зрети не

¹⁶ Известно, что икона «Благовещение» в церкви Похвалы Богородице Орла-городка была написана в 1676/77 г. иконописцем Оружейной палаты Иваном Максимовым. Позднее здесь же работал еще один знаменитый московский иконописец Федор Зубов, уроженец г. Соликамска (см.: [Словарь русских иконописцев, 2009; Калишевич, 1961].

прихождаху» (л. 7 об.). Видимо, ситуация в течение указанных полутора лет обострилась настолько, что проповеднику пришлось в срочном порядке дописывать книгу и явно уже после завершения сборника вставить в конце сборника «Поучение на ленивые в церковь приходити».

Автор явно стремится обозначить собственную позицию, не совпадающую с местными нравами: «И о сихъ всехъ въ книзе моего написания показуеть» (л. 7). Приведенные высказывания, на наш взгляд, более свидетельствуют о приезде человека, который с некоторой долей горечи говорит об описанной земле: «...въ ней же ми обитати». Исправление нравов местных жителей становится его личной задачей не только по долгу службы, но и по зову души: «Егда же невелики мене хунаху, оныя тогда величаша, аки крилати являхуся, а нимало слышаще возбраняюще имъ от хуления. А егда же азъ на яковой беседе со оными невежами прясися, бедствую о слове Б(о)жии и о законе хр(ис)тианскомъ и о ц(е)рк(о)внемъ благочинии, ни мало ми ту бывши спомогаху, но яко неми и безгласни пребываютъ, яко на мя поущающе» (л. 7 об.).

Проповедник напрямую обращается к своим прихожанам, при этом тональность его речей постоянно меняется. От жалоб и сетований он переходит к угрозам, сожаления о «невеликихъ» сменяются сомнениями в собственных возможностях, завершающие аккорды – мотивы прощения – соединяются с осознанием значения своего труда, хулить который можно только по незнанию.

Завершением вступления является просьба о прощении собственных грехов и грехов читателей, что было обязательной частью духовных завещаний: «Сего азъ всемъ вернымъ усердно желаю, аще и грешен и недостоин, но д(у)шевной м(и)л(о)сти Б(о)жия слушающимъ мя прощаю и от всего с(е)рдца приветствую. Хулники же и порицати еще бо мои труды и на свет не проидоша, ниже от кого видени быша, а мнози прежде совершения ихъ ругаша, но ихъ не укоряю, ни поношаю, но Б(о)га молю и прощения прошу, яко по неведению сия творятъ, аще бы имели разум, не бы тако дерзали и невидевши вещи хулиши; ибо от имущимъ разумъ никто же ми посмеяся, но вси моему неразумию прощали и учителства мне оставляти не повелевали, и о безумныхъ хулникахъ пренебрегати завещали» (л. 9). А в конце текста

присутствует благословение и прощение грехов всей пастве: «По ихъ всехъ буди на вас м(и)л(о)сть Б(о)га О(т)ца и бл(а)гословение Г(оспо)да нашего Ии(су)са Хр(ис)та, бл(а)г(о)д(а)ть и споспешение Прес(вя)т(а)го Д(у)ха. Миръ и здравие, тишина и бл(а)годенствие и всякаго требованья изобилие: въсемъ правовернымъ мужемъ и женамъ, старцемъ и юношамъ, старицамъ и девамъ, слушателемъ и пререкателемъ, хулникомъ и любителемъ всегда и н(ы)не и в бесконечныя веки. Аминь» (л. 9 об.).

Однако автор не останавливается в своих личных оценках и жалобах во вступлении. Создавая своего рода кольцевую композицию, он вновь обращается к благодарному читателю и хулителю в двух виршах, завершающих вторую часть книги (л. 271, III сч.). В первых стихах он начинает с похвалы Господу: «Слава тебе, Г(оспо)ди мой и Б(о)же, / Яко ты ми совершити споможе» (Там же.), а заканчивает укоризной хулителям, которые даже не читали его книгу:

А они мене за то порицаху
И сей мой труд не видевши хуляху,
И в посмеях мене трудившася въменяютъ,
И сладкая словеса огорчаютъ
(л. 272, III сч.).

Второй текст представляет собой вирши, приближающиеся к произведениям Симеона Полоцкого. В них аллегорически представлены хулители в образах навозного жука, мухи и птицы неясить, которые летают по разного рода нечистым местам. Этому роду читателей проповеди предлагаются, как мягкая пища для младенца, которая должна его «напитать»:

«Бл(а)говоли сию книгу читати,
И разумне ю потыши внимати,
По твоей бо немощи написася,
Яко младое отроча питайся.
Иже ты твердыя пищи не можешъ,
Почто мягкаго въкушати не хочешъ?
Она бо есть доволна насыщати,
И твою всякую нужду удовляти,
Ко сп(а)сению ты имать наставитъ,
И на н(е)бо ты имать допроводитъ»
(л. 273 – 273 об., III сч.).

Таким образом, проповеди, заключенные в рамку из авторских высказываний, преобразуются в личные мировоззренческие по-

стулаты, становятся событиями биографического характера. Сборник обретает физиономию не только учительно-проповеднического, но и лично-исповедального характера. Этот путь для литературы позволял, используя разработанные в недрах Средневековья жанры, обретать произведениям неповторимую индивидуальную интонацию. Она была обусловлена конкретно-биографическим фоном, на котором разворачивались темы проповедей, и передачей эмоционального мира писателя. В параллель к феномену усложнения жанровых качеств нашего сборника можно привести привнесение в житие протопопа Аввакума элементов духовного завещания – жанра, обретшего популярность в XVII в. (см.: [Понырко, 1985]).

Этой же цели – пропитать текст авторскими переживаниями – были подчинены молитвы, которые писатель располагает по завершении каждой части. В них шло прославление Христа и выражалась благодарность за помощь в создании книги.

В XVII в., по замечанию В. М. Живова, «основной корпус литературы остается духовным или церковным по своему содержанию и функционированию <...> именно эти тексты продолжали определять литературные и культурные нормы и служить основным литературным образцом» [2002. С. 326–327]. Но при этом традиционные церковные жанры становятся пространством, куда без изменения жанровой специфики, традиционных целей и поэтики встраиваются новые компоненты, несущие дополнительную семантику. Наиболее существенные изменения могли происходить в творчестве тех авторов, в чьих судьбах соприкасались события личной биографии и общественной жизни. Воплощением драматических столкновений становился авторский код произведения, многоступенчато представленный в сборнике «Статир». Это было логическим развитием литературного направления барокко, обретением пафоса гражданского строительства и постановкой задачи просвещения общества, которые и стали главными характеристиками направления в национальном варианте (см.: [Сазонова, 1991. С. 222–223]). Автор «Статира» оказался одним из самых оригинальных и самобытных в понимании своего значения и личной сопричастности к задаче укрепле-

ния православной системы ценностей в конце XVII в.

Список литературы

Алексеев П. Т. «Статир»: описание анонимной рукописи XVII века // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 92–101.

Богословский С. Орловский проповедник конца XVII в. Пермь, 1916.

Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Русская литература. 1980. № 3. С. 137–142.

Буланина Т. В. Потап Прокофьев Игольничников // СККДР. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П – С. С. 268–272.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.

Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842. С. 629–633 (№ 411).

Градобойникова Е. В. История бытования «Обеда душевного» и «Вечери душевной» Симона Полоцкого (по материалам описаний региональных собраний) // Федоровские чтения. М., 2007.

Демин А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660–1670-х годов (формирование литературы массового предназначения) // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 222–253.

Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 130–137.

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

Знаменский П. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб., 1896.

Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 392–411.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1997. Т. 2.

Коган М. Д. Иона // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. И – О. С. 86–88.

Конявская Е. Л. Автор в литературе Древней Руси (XI–XI в.). М., 2000.

Лабынцев Ю. А. Список издательских предисловий и послесловий к русским старопечатным книгам XVI–XVII вв. // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 276–290.

Мальшевский И. Русский приходской священник-проповедник XVII века // Труды Киевской духовной академии. 1861. № 4. С. 385–466.

Мудрова Н. А. Уникальный памятник культуры // Усолжье – мозаика времен: В 2 ч. / Ред.-сост. С. М. Барков, М. Л. Соколова. Пермь, 2004. Ч. 1. С. 121–156.

Мудрова Н. А. Книжное собрание Г. Д. Строганова на рубеже XVII–XVIII вв. (к постановке проблемы) // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 28–40.

Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых в Сольвычегодске и на Урале во второй половине XVI – начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990.

Поньрко Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379–387.

Поторжинский М. А. Историческая хрестоматия, для изучения истории русской церковной проповеди. Киев, 1879.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

Робинсон А. Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературе конца XVI–XVII века (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.). М., 1971.

Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991.

Сгибнева Н. Ф. Памятник уральской словесности XVII в. «Статир»: итоги и проблемы изучения // Камский путь: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения-3. Лингвистический и эстетический анализ текста и речи». Соликамск, 2009. С. 87–89.

Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / Сост. И. А. Кочетков. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

Соболева Л. С. Зарождение литературной жизни на Урале (XVII–XVIII вв.) // Литература Урала. Очерки и портреты. Екатеринбург, 1998. С. 51–106.

Соболева Л. С. Рукописная словесность Урала: наследование традиций и обретение самобытности: В 2 т. Екатеринбург, 2005. Т. 2: Рукописная традиция строгановского региона. С. 17–54.

Соболева Л. С. Уральский контекст сборника проповедей «Статир» // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С. 118–145.

Уо Д. История одной книги. Вятка и «несовременность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.

Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII в.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 208–224.

Чурина И. О. Культ православного просветителя финно-угорских племен преподобного Трифона Вятского как историко-культурный феномен: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Шенталинский В. Статирь // Звезда. 2007. № 6. С. 71–103.

Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. Переиздано с готовых диапозитивов: М., 1997. С. 3–15.

Материал поступил в редколлегию 21.01.2011

L. S. Soboleva

**AUTHOR'S CODE OF THE HAND-WRITTEN COLLECTION «STATIR»
(«OREL-GORODOK», 1683–1684)**

The article reveals the author's code in the hand-written collection known as «Statir». On the basis of this code, the originality of the sermon-like intonation, the connection between the biographic and the genre component in the Preface, and the finishing verses of the book are analyzed.

Keywords: «Statir», sermon, «Orel-gorodok», Stroganoff cultural region, author's hand-written collection, Russian literature of the 17th century.